

ОТЗЫВЫ, НАПИСАННЫЕ ДЛЯ АКАДЕМИИ НАУК

Предисловие и публикация Л. Н. Афонина

16 февраля 1910 г. академик А. А. Шахматов известил Бунина, что Разряд изящной словесности Академии наук постановил обратиться к нему с просьбой «принять на себя рассмотрение сочинений С. Городецкого», которые автор представил на соискание Пушкинской премии¹. Обязанный доставить разбор не позже 1 марта 1911 г., Бунин писал его в начале 1911 г., во время пребывания в Египте. Рецензия была закончена 23 января / 5 февраля в курортном городке Гелуане вблизи Каира и в тот же день отправлена Шахматову, которому Бунин, перечислив рассмотренные им книги Городецкого, писал: «... посылаю вам свой отзыв об этих книгах, в котором решительно высказываюсь против какого бы то ни было поощрения Городецкого со стороны Академии...»²

Работал писатель над отзывом, тщательно обдумывая и отделявая его, о чем свидетельствует черновая рукопись, публикуемая ниже. На полях этой рукописи, отправленной тогда же Н. А. Пупешникову, Бунин написал: «Это черновик того, что я написал и уже послал в Академию. *Сохрани это!*»³.

Не предназначавшаяся для публикации, «закрытая» рецензия рассматривалась Буниным, судя по этой надписи, как важный документ, имевший для него принципиальное значение. Крайне резко отозвавшись о книгах Городецкого, доказательно выявив действительные просчеты в творчестве претендента на Пушкинскую премию, Бунин объясняет их «кровным родством» молодого поэта с модернизмом: «Не он важен,— пишет Бунин,— важна школа, воспитавшая его».

Этот отзыв не был первым выступлением Бунина против модернистских течений в современной ему русской поэзии. Критика модернизма в большей или меньшей степени звучала в ряде статей молодого Бунина («Недостатки современной поэзии»⁴, «Маленькая беседа»⁵, «Памяти сильного человека»⁶, «Е. А. Баратынский»⁷), а также в письмах — см., например, письма 1905—1906 гг. орловскому поэту Александру Тинякову (Одинокому)⁸ и др. Однако именно в отзыве на сочинения Городецкого Бунин в первый раз столь безоговорочно и непримиримо критиковал поэтов-модернистов, называя их произведения «поэзией, опошлившей русский стих, доводящей его до пустозвонства или ухабистой прозы», «искажающей и насилующей русский язык». Бунин категорически отрицает декадентское искусство, упрекая его создателей в назойливом желании поразить читателя оригинальностью, необычностью, граничащей с трюкачеством, в результате чего самое слово «стихи» превращается «в посмешище, в синоним тарабарщины».

Не знающие пощадить бунинские филиппики заставляют вспомнить Льва Толстого, его суровый суд над декадентством. Бунин не только ссылается на известную толстовскую оценку декадентских произведений, которые, «будучи похожи на бред безумного, представляют из себя нечто вроде ребусов»⁹, но и в самой сущности критики поэтического искусства модернистов несомненно идет от Толстого. Интересно отметить, что процитированные строки из предисловия Толстого к роману В. фон Поленца «Крестьянин» перекликаются со статьей молодого Бунина о стихотворениях Фета, в которой право называться «истинной поэзией» не признается за произведениями нарочито усложненными, туманными, рассчитанными на внешний эффект¹⁰. Подобно Толстому, Бунин считает, что декадентское искусство не только дает ложное направление поэтическому дарованию, но и неизбежно сковывает его, разрушает, ведет к гибели. Не отказывая Городецкому в «некоторых литературных способностях», Бунин строго осуждает

его за то, что, связав свою писательскую судьбу с «новой поэзией», он делает все «от него зависящее», чтобы загубить талант и «из стихотворца превратиться в стихоплета».

Бунин усваивает здесь и самую толстовскую манеру «расправы» с декадентским искусством — откровенный, без каких-либо недомолвок и умолчаний «резвый» разговор, при котором явления «новой поэзии» оцениваются с точки зрения «нормального» человека. Однако, на наш взгляд, есть и существенная разница между толстовской и бунинской критикой литературного декаданса: В падении искусства Лев Толстой видел «болезнь века», явление закономерное, один из зловещих результатов общего упадка буржуазного общества. Вскрывая социальные корни декаданса, Толстой показывал его антинародность. Бунин же прежде всего отвергает форму модернистской литературы, нападает на представителей «новой поэзии» за их сознательный разрыв с традициями русской классики. Не заинтересовавшись социальными причинами декаданса в литературе, Бунин тем самым суживает масштаб своего анализа.

Отзыв о сочинениях Городецкого как бы превосхищает знаменитую речь Бунина на юбилее «Русских ведомостей» 6 октября 1913 г., местами даже текстуально переключаясь с этим публичным выступлением писателя в защиту реализма. При этом следует, однако, подчеркнуть, что в речи расцвет декаданса уже непосредственно связывается с «бойким спросом» на модное искусство «со стороны нашей уродливо формирующейся буржуазии и всех праздных слоев общества»¹¹.

Как не раз отмечали современники, Бунин мог порою говорить и писать в высшей степени резко, даже не особенно стараясь выбирать слова, чтобы высказать охватывающие его чувства. Это несомненно следует иметь в виду и при изучении бунинской оценки стихов Городецкого, а также тех характеристик Блока, Брюсова, Бальмонта, Вяч. Иванова, которые даны в рецензии. Но существа дела это все же не меняет. Велика сила объективного, здорового в самом существе своем бунинского отрицания декадентского искусства. Именно это придает рецензии Бунина значение важного литературного документа, который, кстати говоря, нисколько не умаляет творчества Сергея Городецкого и его роли в отечественной (особенно в советской) поэзии, а лишь свидетельствует, что весьма непросто развивался этот большой русский поэт, переживший, по его собственному признанию, «противоречивый творческий путь», испытывавший «идеологические блуждания»¹².

Выражая свою признательность автору отзыва «О сочинениях Городецкого», Отделение русского языка и словесности Академии наук 2 апреля 1911 г. постановило выдать Бунину золотую медаль имени А. С. Пушкина¹³.

В 1913 г. Разряд изящной словесности Академии наук, в связи с предстоявшим пятым присуждением премий имени М. Н. Ахматова¹⁴, поручил Бунину написать рецензию на рукописный стихотворный сборник, представленный под псевдонимом «Эдельвейс», а также на книги Н. А. Крашенинникова — «Угасающая Башкирия» (М., 1907) и первые три тома собрания сочинений, начатого изданием в 1911 г.: т. I. «Мечты о жизни» (рассказы); т. II. «Барышни» (роман) и т. III. «Сказки любви» (рассказы). 11 октября 1913 г. отзыв был готов и отправлен А. А. Шахматову¹⁵.

Стихотворный сборник «Эдельвейс» — поистине литературный курьез. Автор его — «горничная из Италии», как рекомендовала себя некая Людмила Григорьева в стихотворном «прошении» в Академию наук. Первые же строчки этого «послания» не оставляли сомнения в малограмотности сочинительницы:

Письмо, его я не писала прозой
Лишь потому, что прозой не могу
Я изъяснять о том, о чем хочу.
А стих легко дается мне под музой.

Однако в Академии к стихам Л. Григорьевой отнеслись внимательно. На ее сборнике академик Шахматов написал «Надо сохранить»¹⁶. Бунину не понадобилось доказывать литературную беспомощность виршей Л. Григорьевой, «сдобренных» злыми антисемитскими выпадами. Достаточно было всего лишь процитировать «сочинения «Эдельвейса», сохраняя при этом авторскую «орфографию».

Н. А. Крашенинников — писатель начала века, член «Среды». Бунин был связан с ним литературно-журнальными и личными отношениями и в свое время положительно оценивал некоторые ранние его произведения¹⁷. Многолетние добрые связи не помешали, однако, Бунину признать сочинения Крашенинникова не заслуживающими «поощрения», ибо в данном случае речь шла об официальном, ответственном отзыве, который мог возвести книги того или иного автора в разряд «образцовых». Не отказывая Крашенинникову в знании жизни, Бунин резко упрекает его за фальшивость, надуманность, избитость языка, за подражание писателям-модернистам.

В 1914 г. Бунину было поручено рецензирование исторических драм Л. Жданова и рассказов Э. Голландской. Посредственность этих произведений была очевидна и не нуждалась в пространных доказательствах.

14 июля 1914 г. Бунин писал академику Шахматову: «Посылаю при сем книги Л. Жданова и Э. Голландской, представленные на XXI соискание премий имени Пушкина, и свой отрицательный отзыв о них»¹⁸. Особенно резко Бунин высказался о драмах Льва Жданова (псевдоним Льва Григорьевича Гельмана, 1864—1951), необычайно плодовитого прозаика и драматурга (к 1914 г. он был автором четырнадцатитомного собрания романов и трехтомника драматических произведений и переводов). По определению Бунина, «набивший руку» на сочинении «романов-хроник» и повестей «для юношества» («Царь Иоанн Грозный», «Под стенами Варшавы», «Цесаревич Павел», «Венчанные заговорницы», «На Малаховом кургане» и мн. др.), трактовавших отечественную историю в верноподданническом, ура-патриотическом духе, Лев Жданов представил в Академию наук «исторические поэмы», действие которых развивается в древней Индии («Мирра») и Александрии IV в. («Гипатия»). Бунин не разбирает эти сочинения, ограничившись уничтожающей характеристикой всей литературной продукции автора. Как «серый, прилично-банальный и никому не нужный род литературы» оценивает Бунин и рассказы Э. Голландской.

В «академических» отзывах Бунина оцениваются различные, весьма непохожие литературные явления. Однако есть нечто общее во всех бунинских отзывах, вне зависимости от того, посвящались ли они разбору графоманской «любительщины», вроде стихов «Эдельвейса», или творчеству литераторов-профессионалов, — неизменное представление Бунина о высоком общественном назначении литературы, взгляд на нее «как на могущественный двигатель цивилизации и нравственного совершенствования людей» и происходящее отсюда непримиримое, без всяких скидок и компромиссов, отношение ко всем «подделкам под художественные произведения»¹⁹, вызванным к жизни декадентской «модой».

Наибольший интерес, разумеется, представляет отзыв «О сочинениях Городецкого». Долгое время оставшийся за пределами внимания исследователей, он был впервые опубликован в 1967 г. по автографу, хранящемуся в Архиве Академии наук²⁰.

Однако научная ценность этой публикации превосходно аргументированного и композиционно стройного отзыва Бунина значительно ослаблена тем, что он был напечатан, как пишет публикатор, «с некоторыми сокращениями за счет приводимых цитат из стихов Городецкого». Вряд ли необходимо доказывать, что пространные выписки из книг Городецкого, сделанные Буниным, не являются лишними, а лишь подтверждают справедливость бунинской критики, делают ее неотразимой. Без каких-либо оговорок опущены в публикации резкие слова Бунина о Блоке и Брюсове, а также рассуждения рецензента в связи с предисловием Сергея Городецкого к своим сочинениям. Именно поэтому представляется необходимой и целесообразной публикация полного текста отзыва Бунина.

В основу публикации этого отзыва положен черновой автограф, сохраненный Н. А. Пущешниковым и приобретенный ГМТ у его вдовы К. П. Пущешниковой в 1961 г. В качестве основного печатается последний («верхний») текст автографа, в котором имеются лишь мелкие разночтения с текстом, отосланным в Академию наук. Под строкой приводятся все существенные варианты первой редакции («нижний» слой черновика). Эти варианты представляют значительный интерес для исследователей, ибо в них авторские мысли и оценки были выражены с большей непосредственностью и горячностью, чем в окончательной редакции, отосланной в Петербург в качестве официально-

го документа. Помимо этого, материалы **чернового** текста позволяют проследить процесс формирования мысли Бунина. Остальные два отзыва публикуются по **беловым автографам**, представленным Буиным в Академию наук.

¹ Архив АН СССР (далее ААН), ф. 9, оп. 3, ед. хр. 20, л. 70.

² Там же, л. 71.

³ ГМТ, № 2747, л. 1.

⁴ «Родина», 1888, № 28; Собр. соч. 1965—1967, т. 9, стр. 487—494.

⁵ «Орловский вестник», 1891, № 27; *настоящ. кн.*, стр. 296—299.

⁶ «Полтавские губернские ведомости», 1894, № 72; Собр. соч. 1965—1967, т. 9, стр. 502—506.

⁷ «Вестник воспитания», 1900, № 6; там же, стр. 507—524.

⁸ «Проблемы реализма», стр. 170—171.

⁹ Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 270.

¹⁰ См. *настоящ. кн.*, стр. 298.

¹¹ См. *настоящ. кн.*, стр. 322.

¹² С. М. Городецкий. Мой путь. — В кн.: «Советские писатели. Автобиографии», т. I. М., Гослитиздат, 1959, стр. 331.

¹³ ААН, ф. 9, оп. 3, ед. хр. 20, л. 358.

¹⁴ Ахматовские премии за лучшие научные труды и произведения изящной словесности были установлены в память тайного советника М. Н. Ахматова, завещавшего свой капитал Академии наук; начиная с 1909 г. присуждались ежегодно.

¹⁵ ААН, ф. 9, оп. 3, ед. хр. 43, л. 419.

¹⁶ ААН, ф. 9, оп. 3, ед. хр. 20.

¹⁷ Очерк литературной деятельности Крашенинникова см.: А. Усманов. Н. А. Крашенинников (К 10-летию со дня смерти). — «Литературная Башкирия». Альманах, вып. 3. Уфа, 1951, стр. 336—352.

¹⁸ ААН, ф. 9, оп. 3, ед. хр. 22, л. 5.

¹⁹ Собр. соч. 1965—1967, т. 9, стр. 490—531.

²⁰ Е. С. Кулябко. И. А. Бунин и Академия наук. — «Русская литература», 1967, № 4, стр. 175—179.

О СОЧИНЕНИЯХ ГОРОДЕЦКОГО

Сергей Городецкий представил в Академию наук, на соискание премий имени Пушкина, четыре книги: «Ия», стихи для детей, «Русь», песни и думы, и два тома «Собрания стихов» (т. I — «Ярь», т. II — «Дикая воля») ¹. Решительно высказываюсь против всякого поощрения Городецкого со стороны Академии *. Одолевая те 8000 строк, что представлены им, я все время чувствовал одно: чтение это — наказание, мука, тяжкий труд **, а никак не эстетическое удовольствие. Городецкий не поэт, а стихотворец ***, может быть и обладавший некоторыми литературными способностями, но делающий все, от него зависящее, чтобы погубить их ****; и, наконец, то, что почти треть написанного им так темна, что добраться до смысла невозможно, а если порою и возможно, то совершенно не стоит того.

Ты смотришь, как черница
В стенах своих скитов.
А тут сирень-синица
Поет без голосов², —

* *Далее зачеркнуто*: и прежде всего потому, что, прочитав эти книги, я не нашел в них даже признаков поэзии, а ведь как же поощрять и награждать во имя великого поэта можно того, кто даже и в малой мере не обнаруживает поэтического дара.

** Тяжкий труд — *вписано вместо зачеркнутого*: томительный труд, скучный, тяжкий, раздражающий и совершенно бесплодный труд, скучный, тяжкий, порою даже мучительный.

*** *Далее зачеркнуто*: вернее, стихоплет

**** *Далее зачеркнуто*: чтобы из стихотворца превратиться в стихоплета.

читаю я — и, конечно, даже и представить себе не могу, что это за «сирень-синица». Автор спрашивает:

А о чем печалится
Дождевик седой?

Или:

— Что накатывают волны на реке?
Чья пичуга бьется в каменной руке?³ —

и так и не поясняет — чья именно пичуга и кто такой Дождевик, а я только догадываюсь, что Дождевик этот сродни Елкичу Сологуба-Тетерникова, что Городецкий просто выдумал Дождевика, как выдумал он Ветровоя, Вертодуба, Неулыбу, Лунного Старика и проч. — по очень дурной манере так называемого «нового искусства» выдумывать (чаще всего на русский лад) имена не существовавших никогда * и ни в чьих представлениях и сказаниях демонов, богатырей, чудищ, набирать пестрые коллекции забытых областных слов и составлять из них ** какой-то дикий язык, выдавая его за старорусский, как это делает, например, Ремизов⁴, вспоминать семинарские и вытаскивать из словаря Даля старинные слова, чтобы нелепо сочетать их с гекзаметром ***, как это делает Вяч. Иванов⁵, — и даже просто «творить» новые слова, вроде — саркофажность, напевность, глубинность, обманность, как это делает Бальмонт⁶, или употреблять во множественном числе слова такие, как миг, дым, звон, чем особенно знаменит Брюсов⁷.

Свет от Света оторвется,
В недра темные прольется,
И пробудится яйцо.
Хаос внуку улыбнется
И вселенной сопричтется
Новозданное лицо.
Человек или планета
Проведет земные лета
И опять спадет лицо.
И вселенной улыбнется,
И над Хаосом сомкнется
Возвращенное кольцо, —

читаю я на первой странице первого тома Городецкого — и мне нужно делать усилия, чтобы воспринять из болтливых уст автора скудную мысль его⁸.

— Я тень грядущего светила⁹, — напечатано на второй странице этого тома, и я не знаю ****, кого дурачит автор: себя или читателя?

Мои огни — дыханье рока,
Мое вздыманье без оков.
Мое лицо — тайник рождений,
Оно металось в колесе, —

говорит про себя на той же странице солнце¹⁰, — и я изумляюсь, зачем понадобилось сообщать такие новости и в такой несуразной форме?

* *Далее зачеркнуто*: в народных

** *Далее зачеркнуто*: не существующий нигде и никогда

*** *Далее зачеркнуто*: и семинарско-греческими словами, вроде *взаур*.

**** *Далее зачеркнуто*: совершенно не понимаю, что это значит.

«Мое вздыманье без оков», лицо «металось в колесе»... * А дальше и того лучше (описание лунных фаз):

Перва четверть — месяц-змейка,
Снова четверть — месяц-лик.
Полнолуние — разумей-ка! —
Не Луна, а сам Старик ¹¹.

Это говорится, вероятно, от лица какого-нибудь юродивого, думаю я **, не придавая большого значения тому, что луна и старик написаны с большой буквы, — ведь уж таков обычай теперь ¹², но, перечитав стихотворение, вижу, что ошибся: нет, автор говорит от своего лица — и оказывается, что *** эта прибаутка заканчивает высокопарнейшие вирши цикла «Луна» и уступает место циклу еще более высокопарному — «Земля»:

Миром оплетенные,
Туманами окутаны,
Пустыней разделенные,
Пространствами опутаны,
Во времени томительном
Несемся обнищавые... ¹³
...Мы ли, земные,
Тяжелые, темные,
Жалко плененные
Пленом тягчайшим из всех,
Знаем сиянье небесных утех,
Знаем ключи золотые,
Лучами пронзенные,
Знаем купели укромные,
Где, зачиная, гудит
В недрах бескрайних
Ярь родников
И щедро дарит
В радостях тайных
Дар облаков,—

без передышки бормочет автор, подражая Вяч. Иванову ¹⁴, — и без передышки начинает следующий цикл — «Рождение».

В гулкой пещерности,
В тьме отдаления,
Самодовления,
Богом зачатая
Ярь непочатая,
Дщерь неизмерности
Щедрых страстей
Сонно колышется,
Матерью слышится
Влажно-просторною
Взором проворною
Чревных очей... ¹⁵

* *Далее зачеркнуто*: Повторяю, я не понимаю. Неужели это поэзия?

** *Далее зачеркнуто*: смущаясь только тем

*** *Далее зачеркнуто*: этот скомороший вздор

БУНИН

Гравюра с рисунка А. А. Койранского, 1909(?)

Литературный музей, Москва

Тогда я ищу отдыха во втором томе, довольно легко пробегаю его первую страницу, где автор сообщает, что любовь —

Призывает к телу тело
Для одной души свободной ¹⁶,—

но на следующей спотыкаюсь:

Мне тяжело, как в первый день,
Как в первый *день* *ночного* *горя*,
Когда впервые пала тень
На ровноту земли и моря...
Я сон вулканов услышал,
Вокруг себя разливших лаву
Среди со дна поднятых скал
На запыленную дубраву ¹⁷,—

говорит автор в цикле «Голоса Смерти», а далее впадает уже в полную меланхолию и бред:

Все стало чуждо: комната и люди.
И неотсюда уж гляжу на свой уют,
Где вещи, суетливо подставляя груди,
Мои глаза ненужностью гнетут.

И это ли не доказательство, что поистине содрогнулась бы тень Пушкина, увидя награжденною во имя его подобную изнурительную и претенциозную болтовню! А ведь я выписал буквально сотую долю ее.

Повторяю, что не может быть, по моему мнению, и речи о поощрении Городецкого уже хотя бы за одно кровное родство его с тем, что называется * «новой» поэзией ¹⁸ — поэзией, опошлившей русский стих, дово-

* Далее *зачеркнуто*: теперь русской

дящей его до пустозвонства или ухабистой прозы и называющей эту прозу «вольным стихом», искажающей и насилюющей русский язык, превратившей слово «стихи» в посмешище, в синоним тарабарщины *, причившей публику так снисходительно смотреть на риторику, напыщенность, самолюбование **, самовосхваление, фатовство, сюсюканье или грубость, требующей себе триумфов за мнимые *** победы и реформы, за «дерзновение» и глубину замыслов, за якобы «кованный» или «утонченный» стиль, а говорящей чаще всего вульгарно, косноязычно и даже не по-русски ****, — поэзией, где давным-давно нет и дыхания поэзии, где исчезла простота, непосредственность, такт, мера, ум, чувство, где ***** воцарился дурной тон и ***** словесный блуд, где все дешево и поддельно — и страсть, и наивность, и сила, и красота, — где преобладает то, что похоже, по определению Л. Толстого, «на бред безумного и представляет из себя нечто вроде ребусов, отгадывание которых считается признаком утонченности»¹⁹. Приходится сказать даже более: всякого порицания заслуживает этот молодой представитель «новой» поэзии, а уж никак не поощрения и санкции. Не он важен: важна школа, воспитавшая его. А ведь он один из первых учеников в этой школе. У него есть даже известность, — правда, почти не выходящая за пределы литературных кружков и понятная только в силу того беспримерного падения, до которого дошла современная критика, но известность ***** довольно громкая²⁰.

Он подозрительно разносторонен и плодовит, подозрительно самонадеян в выборе работ, а между тем, даже заглавия его в большинстве случаев вычурны или лубочны. Несмотря на свою молодость, он произвел на свет божий уже целых 15 книг. Четыре мы знаем. Но, как видно из авторских объявлений, приложенных к ним, Городецкий выпустил и выпускает еще и следующие свои труды: два тома своих рассказов («Кладбище страстей» и «Деревня»), роман в трех частях («Варвара Волгина»), семь одноактных пьес, книгу по истории и теории символизма («Велес»), книгу «литературных воспоминаний» («Бархатная лапа»), перевод романа Якобсена («Люне»), перевод драмы Гамсуна («Закат»), перевод двух томов Мопассана и перевод пьесы Гауптмана («Потоувший колокол») ²¹. А ведь известно, что плодовитость — родная сестра болтливости, и стихи Городецкого, прежде всего, редкий образец болтливости. Одолейте-ка, например, его сказки, — ну, хотя бы начало «Лии»:

В делях леса заблудившись, смольным воздухом упившись,
Созерцая меж стволами, красноватыми от цвета
Облекавшей их коры
И от тающего света
Соляца, плившего над лесом после яростной игры,
Меж стволами созерцая заплетенья темной хвои,
Что клоками нависала, своды высила и, сбившись
В черный узел, знак давала, что на этом месте двое
Страшных, сильных и огромных, двое, может быть и трое,
Для любви сходились страстной, задыхаясь в желтом зное,
И любовью упивались, и в любви сплетясь, как в бое,

* Далее зачеркнуто: и ахинеи

** Далее зачеркнуто: бесстыдство

*** Далее зачеркнуто: перевороты в русской литературе

**** Далее зачеркнуто: (в стихах Брюсова: «Альков задвинутый, Дрожанье тьмы, Ты запрокинута, И двое — мы»)

***** Далее зачеркнуто: властно

***** Далее зачеркнуто: растет

***** Далее зачеркнуто: эта виждется как раз на самых дурных чертах его

Мяли мох и хвою сосен, на одре душистом слившись,
 Созерцая лес измятый, шел, предчувствуя смятенье,
 Из окрестного селенья
 Я, певец любви летящей, уносящей за пределы
 Тела, радостно кующего душе ограничения,
 Шел, и образы мелькали, неожиданны и смелы,
 Крылья нового творенья...²²

Это ли не словесный блуд! А ведь выписанное — только начало сказки, опять-таки только сотая часть ужасного целого. Не верится, диким кажется, что можно написать так сто, двести страниц, но Городецкий поистине творит чудеса. Опять ищешь отдыха, опять перевертываешь страницу, — и опять задыхаешься, глоснешь и слепнешь*.

И сейчас же в поцелуе, в первом жаре поцелуя,
 Я услышал странный голос — нет, не голос — звук печальный,
 Будто посвист Ветровая над страной какой-то дальней,
 Будто шип ползучий Змея, звук далекий, изначальный,
 Так настойчиво спросивший, душу пленную милоя,
 Так сурово произнесший отвратительное слово,
 Этот трижды, трижды, трижды проклинаемый Глагол:
 «Вспомнил? Вспомнил? Вспомнил?» Снова,
 Снова, снова троекратно голос сердце уколол.
 И в смущеньи, задыхаясь (так же темен и тяжел
 Был сплетенный надо мною купол веточек стожальный),
 Я не ведал, — как ответить неожиданности новой...²³

И таких сказок у Городецкого целых три²⁴. «Может быть, думаешь, это только „Лия“ такая трудная, а следующая — „Яга“ — хоть немного легче? Но, нет!

За горами, за полями, за стоячими лесами,
 За трясучими водами, за кипучими ключами...²⁵

И так далее, и так далее! И занимают эти сказки чуть не половину всего второго тома Городецкого. И, что хуже всего, чрезвычайно типичны они для всех его сочинений, и типичны одним только сумасшедшим, беспашбашным обращением со словами и развязнейшим **набором их. Нет, *** он, как это не раз доказано было выше, еще и мучительно однообразен, неудобочитаем ****, напыщен и всегда фальшив в своих якобы буйно-непосредственных излияниях. Плясовый темп, в котором написаны *девять десятых* его стихов, несомненно, нарочито усвоен им — и невыносим своей назойливостью, а порою и вульгарностью:

Ах, ангелы, архангелы, святители мои! (стр. 129)²⁶.

Специализировавшись на «космическом» («Космос скованный низложим!») — говорит он в «Яри»²⁷), Городецкий делает вид, что все чувствует он как часть космоса — и себя, и свою любовь, и даже Русь. Что это за Лия?

— Ты — живое тело леса, ты сама зеленый лес²⁸, — говорит он Лие и надоедливо твердит это всем своим возлюбленным. В «Дикой воле» есть целый отдел («Радуга»), где выдуманно и в плясовом темпе, с фальшивой буйностью, изображено тринадцать женских образов — трина-

* *Далее зачеркнуто*: среди неудержимого пустословия

** *Далее зачеркнуто*: и зачастую совершенно бессмысленным

*** *Далее зачеркнуто*: он не только зачастую даже плодовит и болтлив просто ни к селу ни к городу

**** *Далее зачеркнуто*: темно и высокопарно риторичен

дцать образов какой-то мировой оргии, — и награждены они такими именами: Зеленая, Серая, Розовая, Голубая, Золотая, Синяя, Желтая, Рыжая, Смуглая, Белая, Темная, Аленькая, Черная. Читаешь Зеленую:

Вся лесная. А глаза летят и жгут,
 Так и жгут...
 Вся моя ли? Да, моя, И ноги гнут,
 Так и гнут²⁹, —

и дивишься: как это ноги гнут человека, когда обычно человек гнет ноги? Читаешь Серую, Розовую, Голубую, Желтую и, все более раздражаясь выдуманностью всего этого, делаешь бесплодные попытки хоть что-нибудь понять в пустословии автора. Вот Серая: она —

В серой комнате мелькает,
 Тает, вьется, пробежит,
 Изогнулась, не дрожит.
 Знает, как красивой, знает,
 От красы не убежит,
 Каждой каплей дорожит.
 Глаз русалочий сверкает,
 Серый глаз бежит, бежит,
 Верность линий сторожит.
 Гибкость тела не скрывает,
 Захотела — обнажит.
 Стала. Прыгнула. Лежит...

Вот Желтая: у ног этой лежат две змеи, а лежат они потому и затем,

Чтоб тогда ты только мог
 Целовать извивы шеи,
 Тонкой кожи не жалея,
 Если ступишь на порог
 Женской яростной затеи,
 Этих змей убить умея,
 Если ты на ложе лег,
 Желты ящерицы-феи,
 Кровью этих змей алея.
 И тогда лишь в желтый лог
 Лес склонит свои уеи
 Над твоею страстью вея,
 Если смерть ты превозмог,
 И в тебе воскресли змеи
 Мертвых змей сильнее и злее...

Но довольно. Не стоило бы всерьез говорить о Городецком, если бы не был он так типичен для теперешних литературных нравов. Отказываешься верить, чтобы у человека хватило духу выпустить в свет четыре книги такой чепухи, как вышеприведенная; но что невозможно теперь, когда пользуется известностью полупомешанный Блок³⁰, фат * Бальмонт, сам себя именующий «сыном солнца», «чародеем стиха», а Пушкина и «всех» прежних поэтов — своими предтечами³¹, Третьяковский — Вяч. Иванов и прочие, прочие, покровителем **, одним из главарей которых является усидчивый копиист французских модернистов и старых русских поэтов — Брюсов, еще так недавно писавший:

Альков задвинутый, дрожанье тьмы,
 Ты запрокинута, — и двое — мы³².

* Далее зачеркнуто: и словоблуд

** Далее зачеркнуто: и метром коих величается

СЕРГЕЙ ГОРОДЕЦКИЙ

Шарж неизвестного художника

Гравюра

Центральный архив литературы и
искусства, МоскваГОРОДЕЦКИЙ — ПРЕДСЕДА-
ТЕЛЬ «КРУЖКА МОЛО-
ДЫХЪ».

Выше приведены образцы «космических» «раздумий» Городецкого «о космической судьбе человека», как он сам называет циклы «Земля», «Луна», «Рождение», «Голоса Смерти»; приведены образцы его любовной лирики; остается еще большое количество стихов, посвященных воссозданию древнерусской мифологии, воспеванию Руси, изображению современной городской и деревенской жизни, и стихи для детей. Но нужно ли доказывать, что человек, обнаруживший столько безвкусия, фальши и пр. в одном роде, окажется иным — в другом? Вот опять — первая страница книги для детей:

Уложило Солнце вещи,
Село в красный кузовок,
Дует ветер, дождик хлещет,
Месяц плачет *под шумок*.
«Приезжай скорее в гости! —
Шепчет, *выпустив узду*. —
Промочил себе я кости,
А тебе достал звезду»³³.

Какую узду? Какую звезду? — об этом и не спрашивайте. Осилив еще несколько длиннейших и скучнейших прибауток* с претензиями на оригинальность, но в общем банальных, опять** широко раскрываешь глаза: Кот (с большой буквы) ходит в школу и учится там:

Мяу-мяу — дважды два,
Мяу-мяу, мяу-са,
Мяу-мяу — колбаса.

Или:

Раскрылись сливы
И абрикосы,
Готовят нивы
Травы покосы.

* прибауток *описано вместо зачеркнутого*: виршей** *Далее зачеркнуто*: наталкиваешься на совершенный вздор

Или:

А зовусь я Краснолесье
Оттого, что красный весь я.

Или:

Лес тропинку зацебил,
Плачется тропинка, —

причем сам лес и поясняет, почему он ее зацебил:

Щелей в теле не люблю.

А вот на что наталкиваешься, развернув «русские» стихи Городецкого: какая-то Змеюка рассказывает, что у нее седая голова, но что она скрывает это —

Я кажнную весну
Глажу, прячу седину.
Ни на небе облачка,
Ни седого волоска
У Змеюки...
Как на речке, на Тетере
Разгуляньице *теперь*...³⁴

Можно представить себе после этого, что сделал Городецкий из славянской мифологии, какая лубочная это подделка под народный лад, народный язык, народную мысль, как, в сущности, старо и затрепано все это — Ярилы, Перуны, Стрибоги, добры молодцы, красна девица-краса, жемчуга-самоскаты, гаданья о суженом, — словом, все, вплоть до разухабистого плясового темпа, мочально-белокурого парика автора и его притоптывающих лаптей, позаимствованных у актера с открытой сцены, где так лихо «отжаривают» кэк-уок и «барыню» ряженые Акульки да Федорки! Правда, автор все время старается убедить, что все это — не * переодеванье, не ломанье, а его горячая любовь к Руси, что он — истый сын ее, истый буйный славянин:

Русь! Что больше и что ярче,
Что сильнее и что смелей!
Где сияет солнце жарче,
Где сиять ему милей³⁵.

Но кто поверит ему? Мочального парика не скроешь, и уже чувствуется, что через минуту услышишь Змеюку:

Как на речке, на Тетере
Разгуляньице *теперь!* —

или одну из тех песен, которые автор сочиняет и вкладывает в уста пьяных женщин, чтобы показать, как он выражается, «жестокую городскую и деревенскую действительность»³⁶:

Обнадежил красавчик седой,
Лысый бес, генерал,
Обещал,
Насказал...³⁷

* Далее зачеркнуто: кафешантанное

Полюби меня миленький, маленький!
Я *крупичата* баба, раздольная,
Будет *жисть* тебе нынче привольная...³⁸

Г-жа Гипсиус не так давно заявила, между прочим, в одной из своих статей, что «всем известно, что Бальмонт не умен», но что это нисколько не мешает ему быть настоящим поэтом³⁹. Да, в кружке, к которому принадлежит Городецкий, отсутствие ума не считается за большую беду. Не считается за беду и многое другое — например, быть бесстыдным в самооценке, быть смешным*. Как же ценит свои труды сам Городецкий? А вот как. В примечаниях к своему первому тому он с величайшей тщательностью перечисляет, где и когда появились его стихи в печати, и указывает «месяца» и годы написания каждого из них: например, «3-й год (вероятно, 1903) и месяц Зарень» подарили миру стихотворение «Я». «4-й и Серпень» — «Теремок», «5-й и Просинец» — «Красный Терем» — и т. д.⁴⁰ Подробно рассказано и в предисловии, в какое время и из чего составилась его первый том: «Эта книга, объемлющая пять лет поэтической работы, включает в себя полностью две первые книжки автора», кои «состояли из отрывков какого-то великого эпоса, сверкнувшего на единый миг перед юношеским взором автора и повергнувшего его на все эти годы под ярмо мечты воссоздать видение». Из предисловия же можно узнать и многое другое, — например, то, что в отделе «Зачало» есть одно стихотворение, «особенно ясно определяющее судьбу этой книги, если смотреть на нее издали, из светов и просторов грядущей поры». «Я тень грядущего светила», — повторяет при этом Городецкий и заканчивает: «Если же смотреть на нее из современности и видеть в ней наковальню настоящего, а не зеркало его, то явственней всего зазвучит хоровадная песня, высмеиваемая только слабыми и мертвыми, несущая дерзкие слова: „Мы ведь можем, можем, можем!“»⁴¹

А «Послесловие» к этому тому таково, что я выписываю его от слова до слова: «Не разлучимы ведь поэзия и жизнь, и на последней странице благословляет автор весь сонм людей, событий и видений, мучительно творивших его душу: после порывов и провалов настала в ней торжественная тишина, как на полях перед новым восходом. И всех, поднимавших перо на хулу или хвалу этой книги, благодарит автор за труд. Вас же, читающие и тем творящие свои души, — ищет. *Не вы ли это, современники? Лучше, если б и вы.* Листопад девятого года. Сергей Городецкий»⁴².

Спрашивается, зачем же Сергею Городецкому поощрение Академии? Он, правда, ищет читающих и «тем творящих свои души». Но ведь он же убежден, что все равно будут смотреть на его книги «из светов и просторов грядущей поры» и что «читающие» все равно найдутся. «Не вы ли это, современники?» — спрашивает он. И снисходительно отвечает: что ж, пожалуй, и вы, это не мешает, даже лучше. «Лучше, если б и вы».

Helouan
5/II 1911

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Ия. Стихи для детей и рисунки сочинил и рисовал целых два года Сергей Городецкий». Изданы в Москве к Рождеству 1908 года книгоиздательством «Заря»; «Русь. Песни и думы». М., 1910; Собрание стихов, тт. I—II. Пред. С. Городецкого. Изд. 2. СПб., 1910 (тома имеют титульные листы: т. I, кн. 1—2 — «Ярь. Лирические и лиро-эпические стихотворения», т. II, кн. 3 — «Дикая воля. Лирические стихотворения, песни, сказки»). Далее при ссылках на эти издания указываются только их названия и страницы. Неточности, допущенные Буниным в цитатах, исправляются без оговорок.

² С. Г о р о д е ц к и й. Сирень.— «Русь», стр. 22.

³ «Дождевик»; «Пичуга». — «Русь», стр. 23, 52. Последнее стихотворение процитировано негочно (у Городецкого: «В чьей пичуга бьется каменной руке?»).

* Далее зачеркнуто: жалким

⁴ Первые книги А. М. Ремизова вышли в 1907 г. («Лимонарь, сиречь: Луг духовный». СПб.; «Посолонь. Сказки». М.). В 1910 г. изд-во «Шиповник» начало выпускать собрание сочинений Ремизова. Сопоставлению Ремизова и Городецкого была посвящена статья В. Полонской («Всеобщий ежемесячник», 1910, № 9). Об отношении Бунина к творчеству Ремизова см. настоящ. том, кн. 2, воспоминания Н. В. Кодрянской «Встречи с Буниным».

⁵ Ср. цикл «Дистихи», написанный гекзаметром (Вяч. И в а н о в. Кормчие звезды. СПб., 1903). Склонность Вяч. Иванова к этому размеру сохранилась и в последующие годы, например, «Отзывы», «Нарцисс», «Художник и поэт» (Вяч. И в а н о в. Прозрачность. М., 1904, стр. 15, 81, 84), посвящение к сб. «Эрос» (СПб., 1907) и др.

⁶ Ср.: «Я блеск бездонности зеркальной»; «Ты в хрустальности звезд и в порыве комет» (К. Б а л ь м о н т. Полн. собр. стихов, т. 3. М., 1908, стр. 7, 9).

⁷ Ср.: «Пусть миги пролетят беззвучно, смутно»; «Менял я вас на блаженные миги»; «Хорошо нам, вольным дымам» (В. Б р ю с о в. Полн. собр. соч. и переводов, т. I. СПб., 1913, стр. 54, 55; т. III, СПб., 1914, стр. 147). 23 июля 1906 г. Бунин писал А. Тинякову: «Вы считаете за что-то новое и серьезное недостатки тех, кому подражаете. Неужели, например, „миги“ есть нечто большее, чем простое косноязычие? Не говоря уже о том, что эти „миги“ и „дымы“ весьма и весьма затасканы» («Проблемы реализма», стр. 171).

⁸ «Я под солнцем беспечальным...» Этим стихотворением, первым в цикле «Я», открывается сборник «Ярь» (стр. 9—10).

⁹ Начальная строка четвертого стихотворения цикла «Я». — «Ярь», стр. 11.

¹⁰ «Стою всевидящее око...» — первое стихотворение цикла «Солнце». — «Ярь», стр. 11.

¹¹ «В лунном свете белый дворик...» — четвертое стихотворение цикла «Луна». — «Ярь», стр. 17.

¹² В цитированном выше письме А. Тинякову Бунин писал: «Неужели тяжкое — порою даже преднамеренно тяжкое — нагромождение высокопарных определений и сравнений, равно как и начертание слов с больших букв, есть не что иное, чем бессильное желание сказать что-нибудь значительное?» («Проблемы реализма», стр. 171).

¹³ «Миром оплетенные...» — второе стихотворение цикла «Земля». — «Ярь», стр. 18.

¹⁴ «Как сладко, как тихо...» — третье стихотворение цикла «Земля». — «Ярь», стр. 19. Ср. стихотворения Вяч. Иванова «Увенчанные», «Воззревшие» («Прозрачность». М., 1904, стр. 27, 29—30).

¹⁵ «В гулкой пещерности» — третье стихотворение цикла «Рождение». — «Ярь», стр. 21.

¹⁶ «Наша доля — веять волей...» — «Дикая воля», стр. 6.

¹⁷ Начало первого стихотворения цикла «Голоса Смерти», открывающего сборник «Дикая воля» (стр. 9). Далее цитируется начало девятого стихотворения этого цикла (там же, стр. 20).

¹⁸ Свое «кровное родство» с «новой поэзией» сам Городецкий подчеркнул в посвящении, предпосланном сборнику «Ярь»: «Посвящены стихотворения: Перун-Солнце — К. Бальмонту, Хаос — Вяч. Иванову, Змеюка — Алексею Ремизову, Заря — А. Блоку, Я захотел, и мир сияет — Ф. Сологубу, Славят Ярилу — Н. Рериху, и другие — другим» (стр. 2).

¹⁹ Неточная цитата из предисловия Л. Н. Толстого к роману В. фон Поленца «Крестьянин»: «Роман этот <...> не принадлежит и к произведениям, называемым декадентскими, особенно нравящимся современной публике именно тем, что, будучи похожими на бред безумного, они представляют из себя нечто вроде ребусов, отгадывание которых составляет приятное занятие и вместе с тем считается признаком утонченности» (Л. Н. Т о л с т о й. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 270).

²⁰ Первые книги Городецкого вызвали большое число рецензий, авторами которых были А. Блок, В. Брюсов, Вяч. Иванов, М. Волошин, К. Чуковский, Н. Гумилев и др. Однако даже представители «новой поэзии» оценивали творчество молодого поэта разноречиво. А. Блок воспринял «Ярь» как, «может быть, величайшую из современных книг», как «открытие» (см. А. Б л о к. Записные книжки. М., Гослитиздат, 1965, стр. 533, 85). В 1907 г., рецензируя сборник «Перун», он писал о Городецком: «Звезда его поэзии, как Сириус, яркая и влажная, поднялась высоко. Это звезда первой величины» (А. Б л о к. О лирике. — Собр. соч. в 8-ми томах, т. 5. М. — Л., 1962, стр. 145). Но книгу Городецкого «Русь» А. Блок называет уже «полунаписанной», считая, что «в ней нет упорства поэтической воли, того музыкального единства, которое оправдывает всякую лирическую мысль; нет и упорства работы, которое заставляет низать кольцо за кольцом в целую цепь» (там же, стр. 649—650). Резко отозвался о стихах Городецкого Андрей Белый: «Талантливая безвкусица — вот как хочется определить многие из его стихотворных строчек»; «Я не люблю народничества Городецкого — эту ардекиаду»; «Городецкий — мифотворец по заказу; сказал Иванов: „Творите“. И „затворил“» («Перевал», 1907, № 8-9, стр. 103). После выхода «Руси» Н. Гумилев говорил: «Я прочел ее с чувством сладкой меланхолии и еще большей неловкости, по-

тому что, спеша подбирать слова к все нарастающей и нарастающей мелодии, автор не успел ни взвесить их, ни расценить, ни даже выбрать подходящие. Ни о стильности, ни об интересности построений или технической утонченности тут не может быть и речи. Городецкий забыл все, что он когда-либо знал или должен был знать как поэт. Книга названа Русью, но России здесь нет» («Аполлон», 1909, № 1, «Хроника», стр. 22).

²¹ В объявлении, приложенном к сб. «Ярь», сообщалось, что автор выпустил сборник рассказов «Кладбище страстей» (СПб., 1909) и готовит к печати следующие издания: сборник рассказов «Деревня» (вышел под названием: Повести и рассказы. «Светлая быль», «Специалисты» и др. СПб., 1910); роман «Варвара Волгина» (не был издан); сб. «Семь одноактных пьес» (не был издан); книгу статей «Велес. Очерки по истории и теории символизма» (под таким названием вышел 2-й альманах русских и инoslavянских писателей). СПб., 1913, в котором принял участие и Городецкий); книгу «Литературных воспоминаний» — «Бархатная лапа» (не была издана).

²² «Лия. Лесная сказка». — «Дикая воля», стр. 171.

²³ Там же, стр. 174—175.

²⁴ Сказки «Касьян», «Яга», «Лия». — «Дикая воля», стр. 141—181.

²⁵ «Яга». — «Дикая воля», стр. 155.

²⁶ «Феодор» (цикл «Алый Китеж»). — «Ярь», стр. 129.

²⁷ «Беспредельна даль поляны...» — третье стихотворение цикла «Хаос». — Блок писал по поводу этих стихов: «Право, С. Городецкий обращается чересчур развязно с этими заслуживающими всякого почтения стариками <...> Выкрикивание угроз по адресу хаоса и космоса заставляет подозревать только о недостаточно близком и положительном знакомстве с ними» (А. Б л о к. Противоречия. — Собр. соч. в 8-ми томах, т. 5, стр. 413).

²⁸ «Лия. Лесная сказка». — «Дикая воля», стр. 180.

²⁹ «Зеленая» (цикл «Радуга»). — «Дикая воля», стр. 107. Ниже цитируются еще два стихотворения из этого же цикла: «Серая» и «Желтая». — Там же, стр. 108, 114.

³⁰ Эту крайне резкую характеристику Блока Бунин — правда, в значительно смягченном виде — повторил и позже, утверждая, что у автора «Незнакомки» — «умственная и душевная неуравновешенность, переменчивость — редкая» (И. А. Б у н и н. Воспоминания. Париж, изд-во «Возрождение», 1950, стр. 43). Однако известны и другие оценки личности Блока, которые давал Бунин в годы эмиграции (см. «Грасский дневник» — настоящ. том, кн. 2, стр. 266).

Творчество Блока Бунина не принимал до последних лет своей жизни, считая, что «Блок нестерпимо поэтический поэт, у него, как у Бальмонта, почти никогда нет ни одного словечка за простоте, все сверх всякой меры красиво, красноречиво, он не знает, не чувствует, что высоким штилем все можно опошлить» (И. А. Б у н и н. Воспоминания, стр. 216). Несомненно, что Бунина в его неприязненном восприятии блоковской поэзии в послереволюционные годы «ожесточило» то обстоятельство, что Блок оказался «по ту сторону баррикады» и прославил Октябрь в поэме «Двенадцать».

³¹ Подразумеваются строки стихотворения Бальмонта: «Я — изысканность русской медлительной речи, / Предо мною другие поэты — предтечи...» (К. Б а л ь м о н т. Полн. собр. стихов, т. 3. М., 1908, стр. 54).

³² В 1916 г., вероятно, в связи с подготовкой статьи о творческом пути Брюсова Бунин внимательно перечитывал его стихотворения, особенно ранние сборники, делал из них выписки, многочисленные заметки, из которых видно, что и в это время брюсовская поэзия вызывала у него резко отрицательное отношение (см. настоящ. кн., стр. 436). Цитированные строки из стихотворения Брюсова «В ночном безлюдии» (Полн. собр. соч. и переводов, т. III. СПб., 1914, стр. 97) Бунин неоднократно приводит в подтверждение, что Брюсов «нередко срывался в дикую словесную неуклюжесть и полное свинство изображаемого» («Автобиографические заметки». — Собр. соч. 1965—1967, т. 9, стр. 302). О взаимоотношениях Брюсова и Бунина см.: С. Л. Г о л ь д и н. К вопросу о литературных связях В. Брюсова и И. Бунина. — Брюсовские чтения 1962 года. Ереван, Госиздат, 1963, стр. 168—184; А. Н и н о в. Предисловие к переписке Бунина с Брюсовым (настоящ. кн., стр. 421—440).

³³ «Ия», стр. 2. Далее Бунин цитирует стихи из этой же книги (стр. 11, 24, 25, 27).

³⁴ «Змеюка». — «Ярь», стр. 113.

³⁵ «Русь» — стихотворение, открывающее одноименный сборник (стр. 5).

³⁶ В предисловии к «Яри» Городецкий писал: «Отдел „Темь“ <...> замкнул в себе определенный круг переживаний — именно тех, которыми дарит жестокая городская и деревенская действительность» («Ярь», стр. 5).

³⁷ «Прачка» (из цикла «Темь»). — «Ярь», стр. 168.

³⁸ «Обезумела в уличном грохоте...» (из цикла «Улица»). — «Ярь», стр. 158—159. Цитата неточная — пропущена строка.

³⁹ Источник цитаты установить не удалось.

⁴⁰ С. Городецкий употребляет древнерусские названия месяцев: зарень (зарев), он же серпень — август, просинец — январь, листопад — ноябрь и т. д.

⁴¹ «Ярь», стр. 5 и 6. Цитируется с пропуском отдельных слов.

⁴² «Ярь», стр. 193.

1. СТИХОТВОРЕНИЯ ЭДЕЛЬВЕЙСА.

2. Н. КРАШЕНИННИКОВ. «УГАСАЮЩАЯ БАШКИРИЯ»,
«МЕЧТЫ О ЖИЗНИ». «СКАЗКИ ЛЮБВИ». «БАРЫШНИ».

Г-жа Эдельвейс представила в Академию на соискание пушкинских лавров тетрадь в 177 страниц, без единого знака препинания ¹.

Никто не взглянет все косятся
Так всех пугает рукопись, —

говорит она, но я все-таки прочел эту «рукопись» — и удовольствуюсь только тем, что приведу несколько отрывков из нее, — образчиков того, *что и как* воспевают г-жа Эдельвейс.

Пишу стихи не для похвал
А слыша голос музы внятой
Заметив как он благотворен
Я гласу музы своей внял.

Двенадцать пробило явился
К нам нами жданный новый год
Вздыхнул внезапно ободрился
И застучал у всех ворот.

Ежь бежал своей дорогой
Повстречалась с ним лиса
И под речью ее строгой
Заглянул он ей в глаза

Если поэт не пишет пьес
То нуль ему вниманья...

Зачем в России существуют
Заводы водочные срам
Все поголовно водку дуют
А между тем введен уж трам...

Лист сухой летит с деревьев
Обнажаются поля
И собрались лететь птички
В отдаленные края...

Он был поэт
Лучом согрет
И звался Фет
Его привет
Читает свет
Из книг газет
Хранил завет
Жил много лет
Сойдя на нет..

Иванъ Алексѣевичъ!

Примите привѣтъ отъ Разряда Изыщной Словесности. Истинный и совѣсливый художникъ — а таковымъ мы Васъ признаемъ — бываетъ всегда требователемъ къ себѣ сверхъ мѣры, и нечисленіе его заслугъ будить въ немъ чувство недовольства собой и тайнаго раздраженія противъ его созданій. Намъ хотѣлось-бы, чтобы въ день Вашего праздника Вы полюбили Ваши созданія такъ, какъ мы ихъ любимъ за ихъ вѣское содержаніе, за любовь къ человѣку, которая такъ чувствуется во всѣхъ воплощенныхъ Вами образахъ, за изящество кисти, какой эти образы зарисованы...

Пусть двадцать пять лѣтъ Вашего служенія искусству будутъ счастливымъ и красивымъ залогомъ грядущей работы; пусть совѣсть Ваша какъ художника будетъ спокойна — а всѣ, кому дороги судьбы русской словесности, съ любовью и уваженіемъ произнесутъ Ваше имя.

АДРЕС БУНИНУ ОТ РАЗРЯДА ИЗЯЩНОЙ СЛОВЕСНОСТИ АКАДЕМИИ НАУК
к двадцатипятилетию его литературной деятельности. Октябрь 1912 г.

Архив Академии наук СССР, Ленинград

Четыре книги Крашенинникова², конечно, совсем не то, что произведения г-жи Эдельвейс, но поощрения, по-моему, тоже не заслуживают. «Угасающая Башкирия» — рассказы о Башкирии, которую автор, видимо, знает, — интересна кое-какими бытовыми черточками, но весьма слаба в художественном отношении. «Мечты о жизни» — сборник рассказов — просто скучны, порою фальшивы, надуманны и неприятны своим готовым, избитым языком. И хуже всего то, что автор с каждой книгой теряет и то немногое, что ему дано. «Сказки любви» и «Барышни» уже нестерпимы по своей ненужности и опять-таки надуманности и общей банальности — на этот раз уже модернистской. Тут все есть: и Сологуб, и Андреев, и Арцыбашев, нет только их способностей и резкостей: Крашенинников, напротив, весьма слащав, у него то и дело читаем: «Она была нежная, непорочная, с золотыми волосами, похожими на сон».

<11 октября 1913 г.>

ААН, ф. 9, оп. 3, ед. хр. 43, л. 419.

¹ Рукопись Л. Григорьевой («Эдельвейс») не имеет названия. Хранится в ААН, ф. 9, оп. 3, ед. хр. 20.

² Н. А. Крашенинников. Угасающая Башкирия. М., 1907; Собр. сочинений. М., 1911, т. I («Мечты о жизни»), т. II («Барышни»), т. III («Сказки любви»).

Л. ЖДАНОВ. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ.

Э. ГОЛЛАНДСКАЯ. РАССКАЗЫ, т. II

Эти две книги¹, представленные на XXI соискание премий имени А. С. Пушкина, не заслуживают, на мой взгляд, никакого одобрения: поэмы Жданова — произведения человека, совершенно лишенного художественного дарования и оригинальности, набившего руку фабриковать якобы исторические драмы и повести для Никольского рынка, а рассказы Голландской всецело принадлежат к тому серому, прилично-банальному и никому не нужному роду литературы, который за последнее время растет не по дням, а по часам.

27.VII.14

ААН, ф. 9, оп. 3, ед. хр. 22, л. 6. Автограф. Подпись: Ив. Бунин.

¹ Л. Жданов. Исторические поэмы. I. Гипатия (Язычица Гипатия). Историческая трагедия в 4-х действиях, с прологом. II. Мирра. Драматические картины древней Индии, в 4-х действиях. СПб., 1914.

Э. Голландская. Рассказы, т. II. СПб., 1913.